№ 46

ДЕКАБРЬ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Сейчас в партии идет борьба с религией, а некоторые партийцы сами венчаются в церкви.

«Правда» № 263.

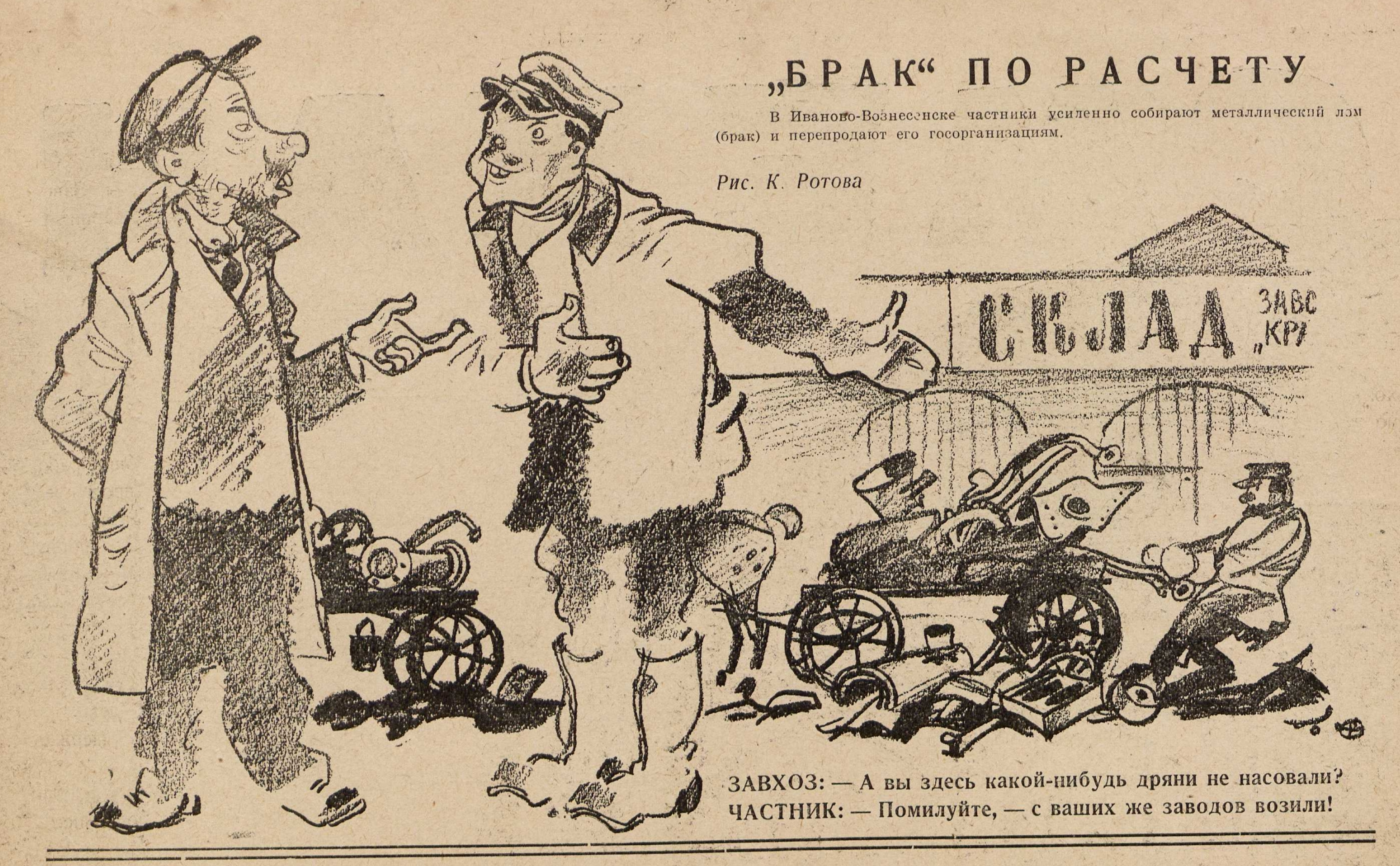
Рис. А. Радакова

— Батюшки! Секретарь нашей ячейки также пришел!.. Как бы он нас не заметил!..

„БРАК“ ПО РАСЧЕТУ

В Иваново-Вознесенске частники усиленно собирают металлический лом (брак) и перепродают его госорганизациям.

Рис. К. Ротова

ЗАВХОЗ: — А вы здесь какой-нибудь дряни не насовали?
ЧАСТНИК: — Помилуйте, — с ваших же заводов возили!

ПАСКВИЛЬ

Николай Лернер, не настоящий, но некий Николай Лернер, предприимчивый и достаточно беззастенчивый, если судить по последней пробе его пера, человек, выпустил «драматические сцены» из жизни небезызвестного поэта Александра Пушкина в селе Михайловском.

Драма называется «Утаенная любовь» и разбита на пять действий и восемь картин; из них каждая представляет собой целый кладезь бесподобного нахальства и удивительной общественной, литературной и просто человеческой тупости. Это отчаянное произведение несомненно заслуживает внимания, как классический образец совершенно диких наших литературных нравов, потрясающей бесцеремонности авторов и анекдотического невежества издателей и редакторов.

Оставим в стороне тот факт, что в пьесе нет почти ни одного слова исторической, биографической, общественной или художественной правды о поэте, именем которого спекулирует молодой, но подающий большие надежды, «пушкиновед»; отвлечемся от того привходящего обстоятельства, что автор, по свидетельству настоящего Николая Лернера, попросту украл свои «сцены» у другого «знатока эпохи», генерала Михневича, издавшего лет двенадцать тому назад не менее бесцеремонную и столь же безграмотную трилогию «Жизнь и смерть Пушкина»; объясним игрой фантазии тот факт, что наряду с персонажами действительно существовавшими, но искаженными, в *историческую* пьесу введены совершенно вымышленные лица, вроде денщика Пузыренко, философствующего на тему о том, что если бы на луне жили люди, они гадили бы нам на головы; не будем касаться, наконец, вопроса об общем литературном качестве сей продукции, стоящей на уровне стишков и прозы рекламировавшего когда-то табачные изделия «дяди Михея». Извиним автору эти второстепенные недочеты.

Но за всем этим остается один непревзойденный штрих, одна классическая деталь, по рассмотрении которой не может быть уже двух мнений о личности вынырнувшего на божий свет молодого пушкиниста. Возможно, что это просто современный вульгарный литературный Хлестаков, действительно вздумавший, в расчете на общее невежество окружающих, осчастливить потомство вторым «Юрием Милославским».

Речь идет о *языке*, которым говорит в этой пьесе Пушкин.

Приехав в деревню и встретившись там с предводителем дворянства и с монахом, играющим роль его духовника, Пушкин сначала «дразнит» их нецензурными порнографическими анекдотами, а потом читает *свои* (!) стихи:

Последнего царя удавим...
Кишкой последнего попа!

Он характеризует свою экономку, Розу Григорьевну, которая, оказывается, «мало того, что немка, но еще и шпионка»: —

Чортова кукла! Помесь стервы и мерзавки!

Он беседует с Родионовной на «политические темы»:

— Голубка ты моя дряхлая, добрая подружка дней моих суровых... Русское общество пробудилось, на Руси весной повеяло... Как хотел бы я быть сейчас рядом с Чаадаевым, слушать его вдохновенные речи!..

— Все будет, милый, не надрывайся, родной!

отвечает, будучи вполне в курсе дела, сознательная няня...

Он ухаживает, наконец, за Анной Керн, предметом вышеназванной «утаенной любви»:

— Забудьте все предрассудки! Сбросьте гнет! Все к чорту! Вот это жизнь!..

Одним словом, любовь без черемухи! Активный безбожник, сознательный сторонник смычки рабочих и беднейших крестьян, он вполне усвоил, вместе с тем, фразеологию и навыки героев малашкинской «Луны», и он рассыпает литературную «клубничку» гуще, чем сам Иосиф Калинников, — этот новый Александр Сергеевич Пушкин из «сцен» Лернера!

Ах, Лернер, предприимчивый, услужливый человек!

Он хотел блеснуть своей идеологической старательностью и *осоветить* Пушкина. Если бы он обладал талантом и чувством юмора, это могла бы получиться пародия; но будучи только ограниченным пошляком, он сотворил глупый *пасквиль* вместо пьесы, придав величайшему мировому поэту мрачный язык *закоулков* теперешней жизни и литературы.

И вот эта нелепая, анекдотическая чепуха издана Теа-Кино-Печатью в количестве четырех тысяч штук, зарегистрирована Главреперткомом, будет читана тысячами людей, будет, чего доброго, включена в репертуар провинциальных театров...

Лернеру — Хлестакову не придется даже и лучшей тройки требовать, чтобы бежать от очнувшихся чиновников; он никого не обманул, он честно представил подлинный экземпляр своего «Юрия Милославского»; мутный осколок грошевой бутылки приняли в столице за бриллиант и крупно и с готовностью заплатили наличными...

Такова у нас грамотность издателей, так создают у нас «нерукотворные памятники» величайшим художникам слова, так знакомят у нас нового читателя, молодежь, с жизнью, с творчеством, с обликом классиков нашей литературы...

А. Зорич

ТЕЛЕГРАММА

Нектаров, скромный счетовод в темно-синей толстовке и с приятным деловым басом, получил на адрес своего учреждения телеграмму из Москвы.

Телеграмма была коротка:

СОГЛАСЕН ПРИЕЗЖАЙ
КАЛИНИН

Так как служащие Откомхоза не только, что телеграмм, но и писем никогда не получали по адресу своего учреждения, то секретарь без всяких мук совести распечатал телеграмму и прочел. А когда прочел, то, запыхавшись, влетел в кабинет к заведующему и доложил:

— Полюбуйтесь!

Заведующий спросил:

— Кто это такой Нектаров?

— Наш счетовод, Василий Дмитрович.

— Гм... — произнес неопределенно заведующий, — позовите-ка ко мне его.

— Слушаю.

— Нет! — остановил секретаря заведующий. — Вот что: отдайте ему сначала телеграмму и, между прочим, скажите ему, что вот, мол, я хотел бы с ним поговорить.

Нектаров прочел телеграмму и радостно воскликнул:

— Вспомнил, наконец, старина!

В кабинете у заведующего разговор был такой:

— Значит, вы от нас уезжаете?

— Да, уж придется...—ответил Нектаров небрежно.

— Так... А если не секрет, интересно знать по какой линии думаете работать?

— По Откомхозной. Только по Откомхозной,—твердо ответил Нектаров,—и в первую очередь полагаю усилить центральный аппарат работниками с мест.

— Так... — сказал заведующий,—правильно. Когда же вы едете?

— Сегодня у нас — пятница? Значит, в воскресенье, скорым...

О чудесной телеграмме через час узнал весь город. И в связи с этим к Нектарову на службу забежал заведующий бойней Игривцев — вечно улыбающийся, молодой и розовый.

— Поздравляю, поздравляю! —сказал он, хлопая по плечу Нектарова. — Интересно знать: по какой линии вы думаете там в центре работать?

— Исключительно по убойной. Меня давно интересует эта отрасль. И я полагаю... Во всяком случае, я буду настаивать чтоб усилить центральный убойный аппарат работниками с мест, которые своей инициативой помогут...

Директору колбасного завода Моргунову Нектаров сказал, что собирается работать исключительно по колбасному делу...

— «и обязательно привлеку к центральному колбасному аппарату работников с мест, которые своей инициативой...»

Заведующий столовой Нарпита, и председатель Сельхозкооперации и брандмайор были уверены, что Нектаров будет работать именно по их специальности...

А в субботу вечером в маленькой комнате Нектарова было тесно от гостей.

Первым говорил заведующий откомхоза:

— Товарищи, — начал он взволнованным голосом,—конечно, юбилей и всякие чествования отменены, но в данном случае мы чествуем счетовода, т.-е. низового работника. А поэтому с нашей стороны это плюс, а не минус. Только одно досадно, что центр забирает к себе лучших наших работников, тем самым обескровливая периферию. Больно и еще раз обидно лишиться такого ценного, такого преданнейшего работника, который за короткое время смог счетоводное дело поставить на недосягаемую высоту. Примите от нас этот скромный подарок. Что еще сказать? Не уезжай, не уезжай...

И заведующий откомхоза положил на стол серебряные часы.

Вторым говорил заведующий бойней.

— В вашем лице, тов. Нектаров, мы, работники бойни, теряем талантливейшего специалиста. Ознакомившиеся с вашими планами на убой, могут только одно сказать: оставайтесь здесь, возьмите в свои руки бойню, но не покидайте нас!

Заведующий бойней положил на стол фанерный чемодан.

Директор колбасного завода принес адрес от своих сотрудников и ящик колбасы. Заведующий столовою Нарпита — портфель. Председатель Сельхозкооперации — портфель и серебряный подстаканник. Брандмайор—медную каску.

— А сейчас,—сказал после всех преподношений председатель Сельхозкооперации, — так как мы сошлись на том, что тов. Нектаров ценнейший работник, то давайте попросим его, чтобы он остался с нами и продолжал бы свою благотворную работу. Не уезжайте! — кричал председатель и взмахнул в отчаянии руками, — не уезжайте, мы все вас об этом просим! Оставайтесь и вместе с нами продолжайте начатое дело!

— Не уезжай!—поддержали и другие председателя.

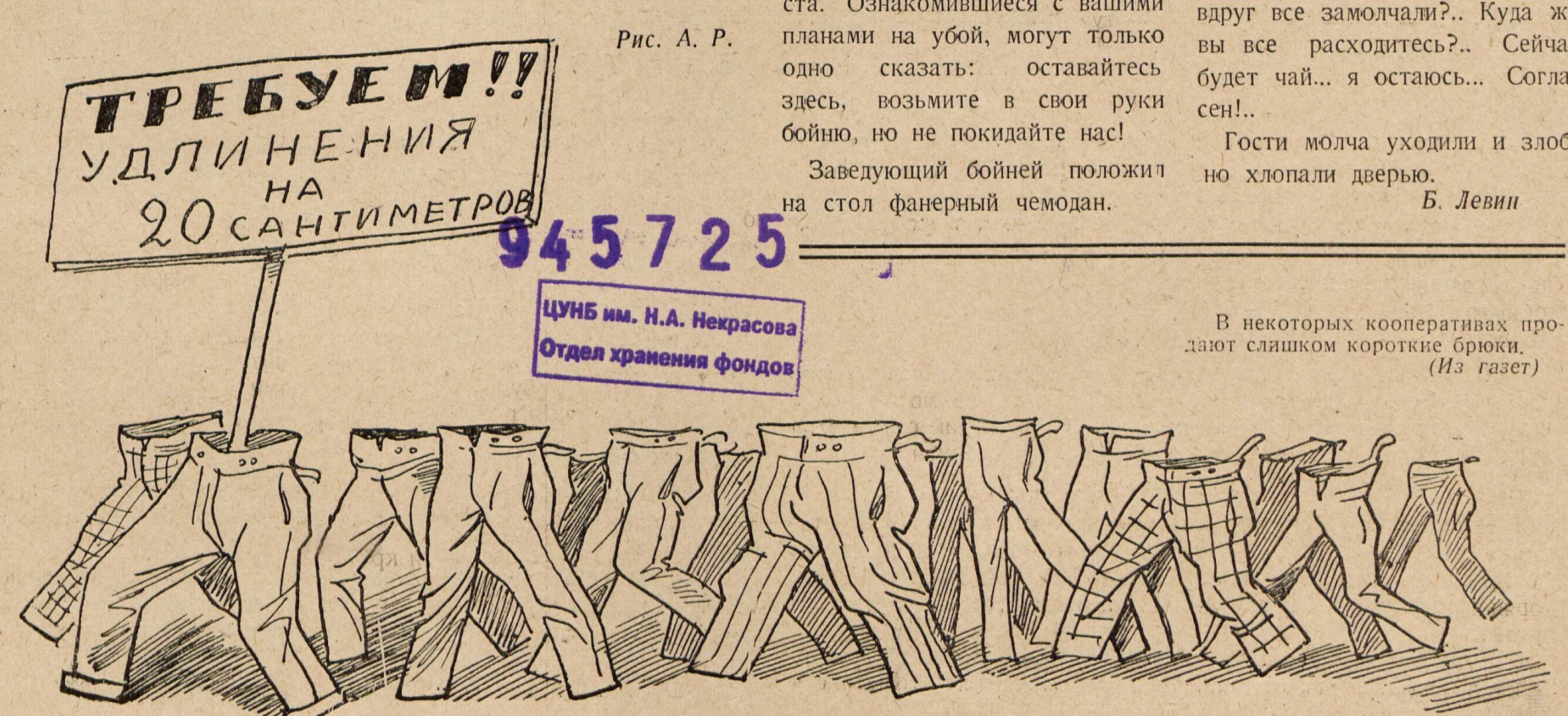
Нектаров откашлялся и, заикаясь от волнения, произнес:

— Дорогие товарищи... Ваше теплое отношение... Ваша просьба... Если вы уж так все настаиваете, если вы уж так просите, то хорошо — я согласен. Не уеду. Кончено. Остаюсь! И в самом деле, чего мне ехать? Еслиб что-нибудь верное, а то ведь этот Федька Калинин языком трепать любит, я его, как облупленного, знаю. Поедешь, а там и без места очутишься. Нет. Раз вы уж так просите. И в самом деле—зачем обескровливать провинцию, в Москве и своих работников хватает. Я согласен, — не еду. Остаюсь... Товарищи, что же вы вдруг все замолчали?.. Куда же вы все расходитесь?.. Сейчас будет чай... я остаюсь... Согласен!..

Гости молча уходили и злобно хлопали дверью.

Б. Левин

Рис. А. Р.

В некоторых кооперативах продают слишком короткие брюки.
(Из газет)

ПО ПРИВЫЧКЕ

Окружная комиссия по охране памятников выработала карточки для учета памятников.

Рис. Б. Ефимова

— Тэк-с... А чем вы, гражданин памятник, занимались до февральской революции?

РАДИОБЫТ

Столица спит.
Зарывшись в пуховик,
Неистово храпит
московский житель.
Но бодрствует
коротко-волновик,
Неутомимый
радио-любитель.

Он долго ждал,
почти часов до двух,
Когда наступит
тишина в квартире,
И, наконец,
весь превратившись в слух,
Упорно ловит
станции в эфире.

Он весь ушел
в работу с головой,
То морщится,
то хмурит лоб с досады.
Из трубок слышны
шумы, писки, вой,
Противные
трескучие разряды.

Уже рассвет.
Ловец не хочет спать.
Приятно заслужить
известность, славу,
Хоть на минуту,
как-нибудь, поймать
Америку,
Австралию иль Яву.

И вот — о, радость! —
на своей волне
Он слышит, слышит
чей-то голос тусклый.
Он различает
явственно вполне
Слова, но — странно —
говорят по-русски!

И, трубки сняв,
он узнает секрет,
Что голос был
совсем не из Нью-Иорка,
Что в двух шагах,
восстав от сна, сосед
Ругается
за тонкой переборкой.

Аларх

ШЕСТЬ ОТКРЫТОК

Вузовка Грункина отцепила шесть открыток, веером висевших над кроватью. Открытки изображали всякую чепуху: прощание любовных парочек, поцелуй, нагую цыганку, Дуга, Мэри и Лидтке. Грункина присела за стол и решила:

— Пошлю я их знакомым ребятам. У них тоже подобная ерунда есть. Пускай последуют моему примеру.

И она начала писать:

«Здесь.

Н. Савельевой.

Прочитав в газете призыв бороться со всякими мещанскими безделушками, выбрасываю их вон. Предлагаю сделать тоже и тебе. Я помню, у тебя над столом тоже болтается, подобная этой пошлой открытке, дрянь. Следуй моему примеру...

С тов. приветом С. Грункина».

— Прекрасно как все вышло! — думала Грункина, опустив шесть открыток в ящик. — И от мишуры избавилась, и других распропагандировала. Пускай теперь и Савельева, и двое Ивановых, и Трофимов, и Сергеев и Кошкина почешутся да за ум возьмутся...

И поспешила на лекцию. Домой вернулась через три часа. Войдя в комнату, она остановилась, как вкопанная. На столе у нее лежали открытки, изображавшие всякую всячину: встречи парочек, луну, испанку, Яннингса и закат.

— Что это? — прошептала Грункина и прочитала на обороте открыток:

«Здесь.

С. Грункиной.

Прочитав сегодня в газете призыв бороться с мещанством...»

Открытки были подписаны Савельевой, двумя Ивановыми, Трофимовым, Сергеевым и Кошкиной.

— Мы-ж одну и ту же газету читаем, — проговорила Грункина. — Как я это не сообразила. Тем более, передача мыслей на расстояние...

Взглянула на стенку, где на выцветших обоях чернели прямоугольники от когда-то висевших открыток и, вздохнув, сказала:

— Нехорошо, пятна остались. Приткну я покамест эту дрянь на старые места. Кроме того, это уже не моя требуха, а Савельевой, двух Ивановых, Трофимова, Сергеева и Кошкиной...

Вл. Тоболяков

ДОСТИЖЕНИЕ

В вестибюле к Мерцалову бросились два курьера, двое в комсомольской форме, совбарышня — бубби-копф и двое, видимо, спецов.

— Справочный стол, товарищ, на второй площадке, — хором крикнули они. — Впрочем, мы вас проводим туда.

Толкая друг друга, окружили они Мерцалова, одобряя его возгласами:

— Сейчас, товарищ, получите подробные сведения!

— Еще семь ступенек, товарищ!

— Мне-бы, — смущенно начал Мерцалов, — только справочку...

— По любому вопросу, товарищ, в два счета!

У Мерцалова закралось подозрение, что его принимают за какого-нибудь совсановника. Он растерянно посмотрел на провожавших его и смущенно сказал:

— Я уж, товарищи, в другой раз загляну.

Но его взяли крепко под руки спецы и чуть не подняли на руках к справочному столу.

— Отдел рассмотрения 2-й этаж, налево, комната 322-я... Под'отдел пересмотра 3-й этаж направо, комната 616-я... Отдел жалоб по рассмотрению 4-й этаж, прямо, комната 719-я... Под'отдел жалоб по пересмотру, по корридору, комната 17-я...

Мерцалову удалось жестом остановить справочную барышню, скороговоркой начавшую выпаливать все ей известное, и сказать:

— Я подавал заявление о сложении с меня пени.

— Отдел сложения, — затараторила барышня, — 6-й этаж, через площадку во флигель, комната 72-я, к товарищу Ордерову.

Мерцалов поблагодарил и двинулся вверх по лестнице. На каждой площадке к нему, обменявшись взглядом с провожавшими его, прикомандировывались новые товарищи, а прежние, откланявшись, скрывались в корридорах.

— Отдел сложения делится у нас на два под'отдела: вычета и начета, — любезно сообщил ему один из его свиты.

— Если у вас есть номерок, — сказал другой, — или если вы помните срок подачи вашего заявления, то вам лучше всего обратиться к Ивану Ивановичу — первый стол у левого окна; если у вас номерка нет и дня подачи вы тоже не помните, — лучше обратиться к Марье Петровне, стол у печки.

На четвертом этаже ему предложили сесть в лифт, который шел с четвертого на восьмой.

***

— Я — Иван Иванович, — сказал один совчиновник, выступая вперед.

— Я — Марья Петровна, — сказала барышня, выступая вперед.

Мерцалов взволнованно сказал:

— Номерок утерян, даты не помню... Моя фамилия Мерцалов.

— Мерцалов, Иван Лукич? — спросил Иван Иванович.

— Жительство ваше — Коровий вал, дом 17? — спросила Марья Петровна.

— Да.

— Вы минуточку посидите в приемной, — сказал Иван Иванович, — а мы пустим ваше дело по всем инстанциям, и решение вам вручит лично зампредседатель нашего треста.

Пока Мерцалов сидел в приемной, мимо него прошмыгнуло по очереди шестнадцать человек с папкой «Дело т. Мерцалова». Когда в соседних кабинетах раскрылись двери, до него доносились обрывки фраз:

«Примите срочно телефонограмму по делу тов. Мерцалова», «Сейчас срочное совещание по делу тов. Мерцалова постановило...», «Еще срочно три подписи по делу тов. Мерцалова»...

Ровно через минуту Мерцалова пригласили в кабинет зампредседателя треста.

— Простите, что задержали, — сказал зампредседатель, передавая Мерцалову заявление, на котором вверху, в левом углу, краснела резолюция.

«Отказать. Взыскать гербовый сбор.»

***

— Как прошла тревога? — спросил председатель правления треста своего зама, когда зам вошел в кабинет.

— Блестяще.

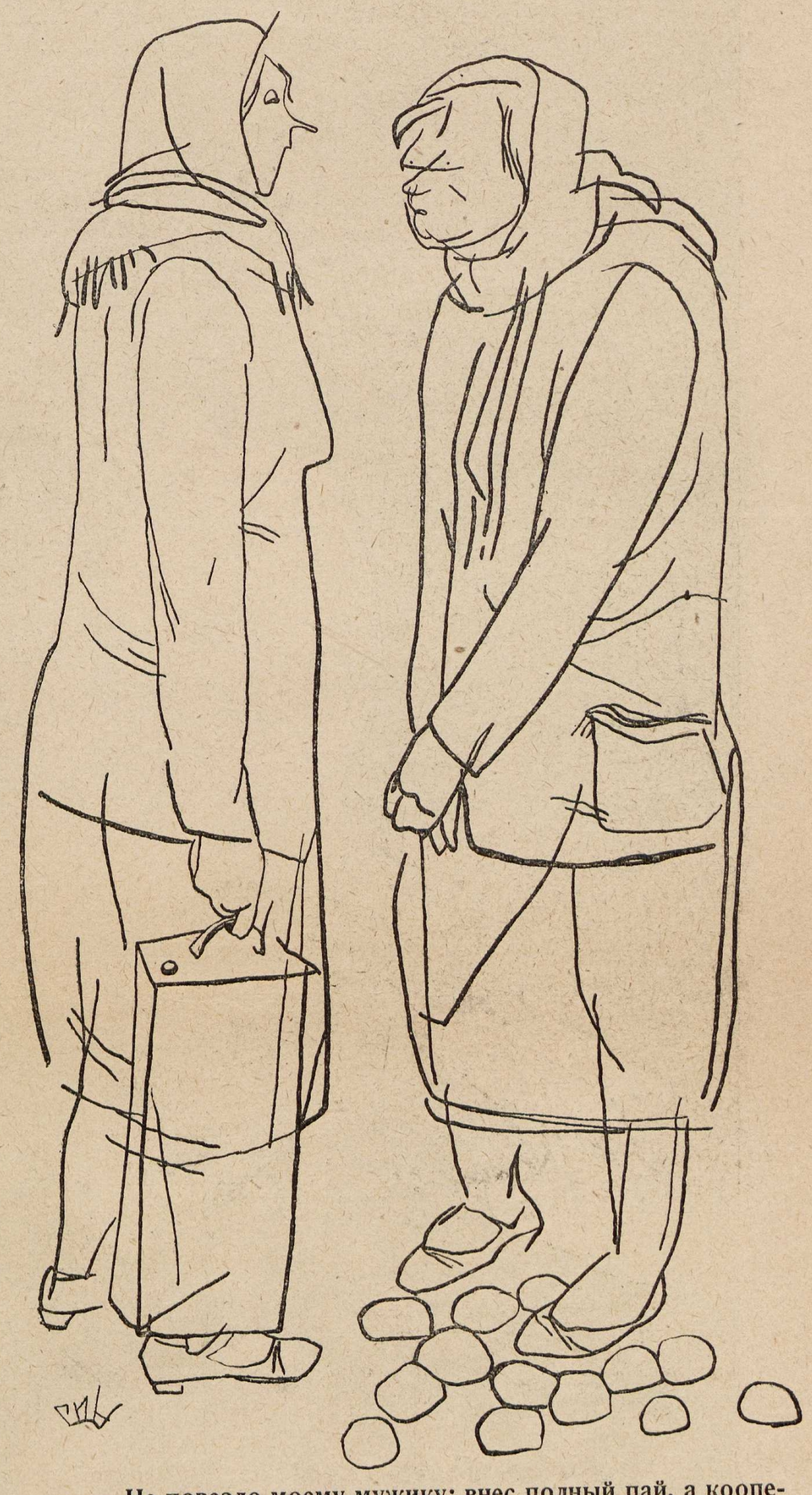
— Значит, в случае появления комиссии по обследованию порядка прохождения дел и отношения к посетителям все будет, как надо? — спросил пред.

— Будьте спокойны: опытная тревога показала, что все будет проделано на ять!

Исидор Гуревич

НЕ ПОВЕЗЛО!

Рис. Гина

— **Не повезло моему мужику: внес полный пай, а кооператив водкой перестал торговать!..**

СТРАННЫЙ АВТОР

РЕДАКТОР: — Не понимаю, вот вы принесли статью о женском движении. Что у нас — 8 марта, что-ли?..

ПО СУЩЕСТВУ

— Вы слышали, — Черчилль вошел в профсоюз каменщиков!
— Один или с полицией?

О ТУРИЗМЕ

Не бывал ни в Париже, ни в Ницце —
Не видал их красот и величия.
Мне случалось лишь быть за границей —
Приличия.

М. Тименс

Рис. Кукрыниксы

КАДР ИЗ НАШЕЙ КИНО-ЖИЗНИ, ЗАСНЯТЫЙ ОПЕРАТОРОМ СМЕХАЧЕМ

Текст В. Ардова

Здесь мы воспроизводим кадр из нашей кино-жизни, заснятый оператором СМЕХАЧЕМ (слева в углу у аппарата). Как и все картины, этот кадр освещен для широких масс монополистом кино-проката—председателем Совкино т. Шведчиковым (на лесенке у прожектора). Рядом — режиссер Л. Кулешов вывозит на себе артистку А. Хохлову. Дальше вместительный диван об'единяет следующих наших режиссеров: слева, первым сидит Я. Протазанов; он страдает, подобно губернатору из поставленной им картины «Белый Орел»: зачем было размахиваться белым платком... то бишь, орлом?... Второй—А. Роом, постановщик «Любви втроем», «Ухабов» и «Бухты смерти».

Генерал от кинематографии С. Эйзенштейн гнет свою генеральскую... виноват, «Генеральную кино-линию». Тут же и В. Пудовкин, отец «Потомка Чингис-хана», но отнюдь не Чингис-хан сам, вытянув ноги, отдыхает от далекой монгольской экспедиции. У дивана же стоит Дзига Вертов, тот самый, что, играя в неигровую фильму, выкроил из земного шара «Одну шестую». «Девушка с коробкой» А. Стэн уже обзавелась сыном, который так и называется «Мой сын»; артистке очень не легко в этом двойном амплуа—девушка и мать. После своей «Медвежьей свадьбы» совершают поездку в автомобиле медвежьи молодожены В. Малиновская и К. Эггерт.

В сермяжном армяке с шапкой в руках стоит И. Коваль—Самборский таким, каким он был на нашей «Земле в плену»: вероятно, теперь, снимаясь на чужой земле,—в Берлине, он несколько приоделся. Народная артистка Республики М. М. Блюменталь-Тамарина с посохом в руках странствует из Госвоенкино в Межрабпом, а оттуда в Совкино. Под заливчатую гармонь Н. Баталова пляшет «чарльстон рюсс» Ольга Третьякова; эта артистка всегда сохраняет в сарафане что-то от чарльстона, а в чарльстоне что-то от сарафана. Перед самым СМЕХАЧЕМ у ковра—Игорь Ильинский. Народный артист Республики, «Коллежский регистратор» И. М. Москвин пьет пиво за столиком в ресторане. «Человек из ресторана», М. Чехов ему прислуживает. А. Комаров из «Мисс Менд» взгромоздился на ресторанную крышу. И, наконец, из люка высунулся В. Шкловский; он суфлирует всем изображенным здесь персонажам по сценарию; конечно, сценарий им же переделанный: ведь у нас не бывает сценариев, не переделанных В. Шкловским...

КУЛЬТУРНЫЙ ПОХОД

(Рассказ моряка)

Здравья желаю! Тут касса речного соцстраха? Очень рад. Дозвольте свое пролетарское проклятье выразить и на погребенье товарища монету получить. Погиб человек не за так, а включительно по случаю астраханского культурного похода. Лежит теперь на столе и последнего отчала ждет. Чего-с? Ис-то-рия?! Никакой такой истории не было. Ни резали, ни били, сам помер из-за большой своей веры, я тому свидетель!..

Сошли мы в Астрахани, на Балде, абсолютно тверезые, а до того — на возморьи — разговор в нас был: культурный поход сделать, благородно, с одним пивом... Ну, сошли, пошли клуб искать, водяной. Ну, клуб закрыт, такое вышло у них последствие ремонта!.. Хотели в кину — опять промашка: понедельник, тяжелый день искусства!..

— Ах, шут те, — говорит Иван Макарыч. — Одно, говорит, осталось теперь удовольствие: пойтить на водную станцию и на ей спортом заняться!..

Пошли. Видим: стоит мильтоша и открыто удивляется, что идем мы хоть и в обнимку, а тверезые. Строго так глядит, вот-вот оштрафует!.. Подошли, спросили про спорт, он даже обиделся.

— Без шутков, — говорит, — граждане. Порт, это — с которого вы идете. Станция — у нас вполне на сухом стоит, потому по воде паровозы не ходят. А насчет водного — то видите, какой простор кругом, заливает берега!.. А в общем, в целом идите своей дорогой!..

— Да нам спорт, а не порт! — указует Иван Макарыч. — Мы культурно желаем, а не как. Где у вас тут водная спортивная станция иль другое какое подобие?

— Ах, вот вам кого, — понял мильтоша. — Ну, это вы не туда попали. В Астрахани водного спорта нет, окроме водошного!..

Плюнули мы, идем дальше... Скушно...

— Поесть бы, што-ли, — говорит Иван Макарыч, — а сам носом нюхает. — По-о-есть бы!.. Где бы тут чего по-о-есть?!..

И опять носом, да так жалобно, точно маленький.

У меня тоже животы подвело, но креплюсь, и Макарыча прошу крепиться.

— Поищем, — говорю, — кооперативную столовую!..

Чтобы без спиртного, значит. Потому: сядешь есть в ресторане, то тут тебе и водка, и коньяки, и девочки. Какая-ж это культура?

Ну, только обошли весь город, а кооперативного с'есть ничего нельзя. Даже вывесок таких нет.

— Пошли на судно, — говорит Макарыч с тоской. — Там у меня хлеб был, стерлядь копченая, пожрем.

*

Вернулись. Ан наша «Веточка» за топливом ушла, и только через час будет!.. Словом, прем сызнова в город.

— Глянь, — вдруг кричит Макарыч. — Доброснав открылся! С'едобный!..

И впрямь. Окна, двери, в окна видим столы со скатертями, стулья, подавальщики в фартуках, красный уголок.

Заходим. Спрашиваем. Подают.

— Какая, — говорю подавальщику, — радость, что наш родной Доброснав свою столовую открыл! Спасание на водах очень даже трезвое питание предполагает. Вон и красный уголок у вас. Газеты, чай, есть. Чайку напиться можно, — культурно!..

И не успел докончить, слышу: смех. И голос знакомый у подавальца. Гляжу: Самгин, старый рыбный промышленник!..

— Какими, — спрашиваю, — ты тут такими?

—А такими, — отвечает. — Компания у нас. Попов, Виноградов, я. Наш это ресторан, и с распитием!!

— Погодь, говорю, пролетария. Не путай. Вывеска то доброснавовская, мы сами читали, как входили!..

— Вывеска, — отвечает, — это верно. Чтобы налогов меньше платить, и вообще. Оно и раньше так-то: писалось «исправник», а выговаривалось «сволочь»!..

— Согласен, — говорю, — что тут и впрямь сейчас сволочь. До свидания!..

И беру это Иван Макарыча под локоток, и уходим несытые, только носом мой Макар жалобно водит!..

И пройдя мало время, видим новую вывеску: До-бро-снав!...

— Уж эта-то, видать, настоящая! — говорит Иван Макарыч .— Зайдем. Культура культурой, а жрать до смерти хочется!..

Зашли. Спросили. Подали.

— Какой, — говорю, — у вас хороший красный уголок!.. Даже очень культурно!..

— Верно, — сипит носом Макарыч. — Дай-кась я туда схожу...

И идет за ширмочку. И мало время проходит, садится за борщ и кушает с большим аппетитом. И отхлебав напрочь, опять отдает концы и плывет в уголок, и опять ворочается, веселей прежнего!..

*

Ну, чего долго говорить. Перепились мы в тот вечер вдребезги. Уголок не уголок, а красная головка в буфете секретном. Макарыч пил и уговаривал: «Небось, это не простая, а доброснавская, вреда с ей не будет!..». Я пью, а промеждy прочим беседую. И вот об'является, что и тут Доброснав не Доброснав, а исправник, извините за выражение. Спецы по частиковой рыбе, — в мутной воде, конечно, — Попов, Самгин, Виноградов, троица единосущная и нераздельная!.. Платют Доброснаву отступное, а под егойной вывеской работают!.. И не кто-нибудь, а сам Сутырин договор с ими подписал, сепаратный!..

Обиделся я, увел Макарыча.

.. Ну, что там размазывать. Пивные, столовые, гастрономичные, — семь штук я их насчитал! — и все — не красные, а частиковые... Тьфу, частниковы!..

А Макарыча мутит. Просит сельтерской. Плывем по Братской, по уличному фарватеру огневки сигналы подают, но мы ломим, борты отдавливаем, одной дамочке корму притиснули — аж взвизгнула, — а на сельтерскую я не поддаюсь. Потому—вижу: плывет на нас киоск «Доброснав, лимонад, нарзан!» Ну, думаю, знаем мы ваши лимонады, налимонились в доску!..

И волоку Макарыча в порт. А он кричит, что спорт, спорта желает!.. И тогда берем чью-то косную, — лодка такая! — сядаем и идем на Балду, а кругом на воде сутолка, пароходы отчаливают, огни, свистки, плески. А у меня и в башке свистит, огни кружат, Макарыч согнулся улиткой и, извиняюсь, нерест держит, икру мечет!..

*

Ну, долго что говорить. Вышли на главный банк, парус обладили, песни поем, а ветер свистит, вода бежит и Макарыч купаться желает!..

И нырнул бы самостоятельно, да шторма набежала, и не успел я оглянуться, как парус облобачило и нашу косную—килем вверх. Макарычем вниз — куда-то понесло!..

Я то, как видите, спасся, а Макарыча под Икряным где-то выудили. Распух, жирный стал, как белуга, и ловцы ругались: сети порвал, дескать!.. Ну, выдали мне тело, доставил его на предмет культурного погребения в город Астрахань, и с Доброснава матрос акт составлял.

— Ето, — говорит, — у нас обнакновенное. Разве всех наших клиентов повылавливаешь? Ресторанов да пивных чуть ли не дюжина, а спасательный пункт, кажись, один, не управиться!..

— Вы, — говорю матросику, — хоть бы номер какой Макарычу проставили на груде: который по счету!..

— Ну, што вы, — отвечает, — нешто можно? У нас не морг, а спасательная станция!..

— То-то, — говорю, — частник у вас от налогов и спасается, туды-т-вас всех тудыт-т!..

В общем, с мордобоем получилось.

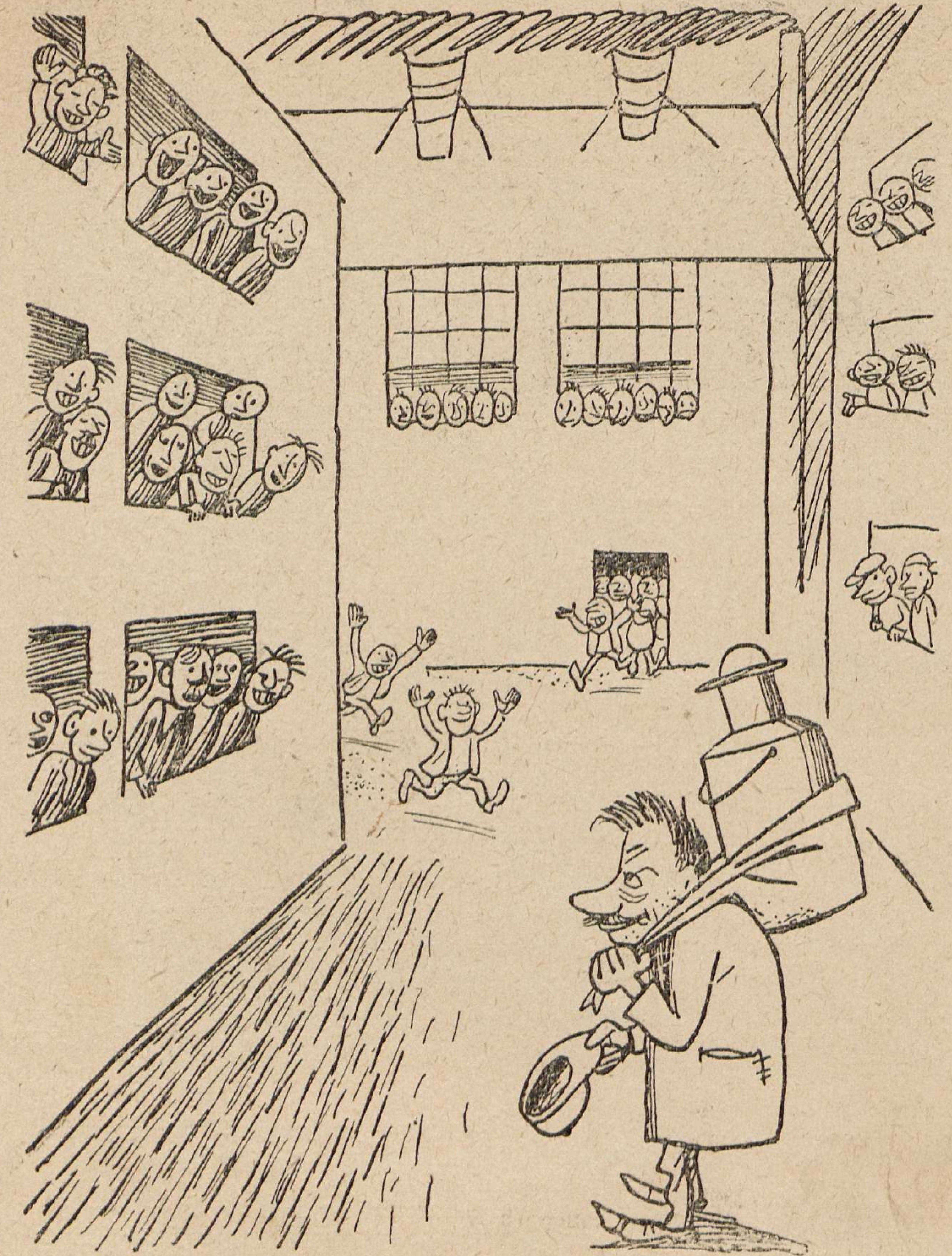
Где расписываться-то в получении погребенных денег? Тут?.. Эй, товарищ, поставь крест за неграмотного, да пойдем покойничка помянуть. Вдвоем оно как-то веселее: может, ты меня после культурного похода выловишь; может, я тебя, а все-таки кто-то похоронное пособие опять получит, здравия желаем!..

Тихон Холодный

БЕШЕНОЕ МОЛОКО

Шинкари проносят в стены завода самогон в бидонах от молока.

Рис. Б. Малаховского

— А кому молочка продам? Хорошего, неразбавленного!..

РЕБЕНКА ПУСТИТЕ!..

Рис. В. Козлинского

Прежде чем попасть к малолетнему читателю, детские книги проходят длинный ряд инстанций.

— Дяденьки! Пустите меня... Книгу-то написали для меня, а пока вы ее прочтете, — я стареньким стану!..

СЕКТАНЦЫ

Рис. Кукрыниксы

Для привлечения публики сектанты устраивают религиозные собрания, с модными «танцами до утра».

Толпа спешит, ликуя,
И прет со всех сторон.
И шпарит «Аллилуя»

Сектантский граммофон.
Евангелье — и шимми!
Всевышний — и фокстрот!

«Ну, что поделать с ними?
Практический народ!»
Забывши все на свете,

Он жаждет танцовать.
Верней бы танцы эти
Сектанцами назвать!

ДРЕБЕЗГИ

ПОДМОЧЕННОЕ ЛОКАРНО

ТО, ЧТО выдерживают люди, не всегда склонна выдерживать стихия. Иногда и у нее лопается терпение. Так во время недавнего наводнения в Локарно, затоплен водой дворец, в котором в 1925 году происходила Локарнская конференция

Интересно: окончательно-ли утонул в это время и знаменитый «дух Локарно», или он снова выплывет в нотах во время какой-либо очередной дипломатической склоки?

УДОБНЫЙ МАТЕРИАЛ

АНГЛИЙСКИЕ газеты сообщают, что, благодаря какому-то новому способу в Америке из соломы изготовляют теперь бумагу, ткани, кирпич, подошву и другие предметы, которых насчитывается до двухсот.

Интересно было бы знать: не входит ли в это общее количество двухсот предметов голова того американского сенатора, который на-днях заявил, что «признание СССР Америкой следует ожидать не ранее 1932 года»?

РУМЫНСКИЙ АППАРАТ

АНГЛИЙСКИЕ нефтяники уверяют, что Румыния:

— Страна огромных возможностей.

Мы другого мнения: это — страна погромных возможностей. Так, по сообщению «Нейес Винер Тагеблятт», в последних еврейских погромах в Южной Бессарабии принимали участие чиновники, жандармы и полиция.

— Ну, как у вас действует административный аппарат? — спросим мы у румын.

— Обыкновенно, — ответят румыны, — как и полагается: топором и ломом!..

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Поющие двери в гоголевских «Старосветских помещиках» — кто их не знает?

Но техника совершенствуется — в восьмой книжке «Нового Мира» (рассказ А. Платонова «Калоши») двери уже не поют, а... разговаривают:

Он долго бился всеми костями в крепкую запертую дверь и было слышно, как та слезливо гундосила:

— Дурной, и что артачишься? Мордоворотом тебе не вышла? Ничего, что морда овечья, рвотный ты порошок.

Читатель тоже вправе «слезливо гундосить»:

— И что, писатель, артачишься? Чего напрасно благородную дверь обижаешь? Дверь — не человек, и блатным языком не выражается!

*

От разговаривающих дверей перейдем к не менее эффектному аттракциону, а именно — к пьющим деревьям:

Железные цветы ржавеют на аллейке,
А позолота вымокла давно.
И шепчут тополя, смыкая сонно веки:
«Мы выпили до дна столетнее вино»...

Так пишет А. Макаров в последнем номере «Прожектора».

До сих пор о деревьях говорили, что они ведут себя благонравно, т.-е. — не курят и не пьют.

Эх, тополя, тополя! Ну, можно ли так назюзюкаться, да еще в дни антиалкогольной пропаганды?

Чтобы идти в ногу с веком, вам необходимо вывесить на своих ветвях плакатики:

«Мы бросили пить! Кто следующий?..»

*

Кто такой — Амундсен?

Оказывается, это — волк.

В шестой книжке журнала для детей «Еж» так и сказано:

Амундсен старый полярный волк — пропал без вести.

Иной ребенок прочитает эти строки и не поймет, почему же так сокрушается редакция?

Не тот ли это волк, который в свое время чуть не сожрал симпатичную красную шапочку?..

МЕНЯЮ ИМЯ **СМЕХАЧ** НА **ЧУДАК**

СЛУЧАЙ С АНГЕЛОМ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.
И в сети антенн, словно чиж,
заплутав,
Он грохнулся оземь и... выплатил
штраф
За умышленное повреждение
Радио-установок.

ОПЫТНАЯ СТЕНОГРАФИСТКА

СЕКРЕТАРЬ: — Как!!! Еще часа не прошло, как с'езд кончился, а у вас уже стенограмма готова... Феноменально!..

СТЕНОГРАФИСТКА: Ничего феноменального нет... Просто я вам прошлогодние стенограммы принесла. Все равно, вы в этом году говорили то же, что и в прошлом...

В РЕДАКЦИИ

— Не знаю, что делать. Получены две заметки об одном тресте: одна заметка — о растрате, другая — о поднятии производительности.

— А вы одну заметку — в «Листок РКИ» пустите, а другую — в «Наши достижения»!

У БОЛЬШОГО ТЕАТРА

— Вчера был в большом театре. Какие голоса, какая мимика!

— А кто выступал? В какой опере?

— Многие выступали, да не в опере, а на с'езде.

НЕУВЯЗКА В КОНЕЧНОСТЯХ

— Уверяю вас, товарищи, у нас клубная работа на полном ходу: есть уже и музрук, и литрук и политрук...

— Ну, да—все руки и руки, а вот ни одной головы у вас не чувствуется...

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ДВОЕРУЧИЦА

Действительно, чудны дела твои господи:

В г. Рыльске главный кассир кредитного сельско-хозяйственного товарищества, Я. И. Казанский, в то же время и дьякон собора.

Теперь понятно, почему Казанский на вопрос: «Как вы живете?» отвечает:

— Слава богу, ничего!..

Только, смотрите, не просчитайтесь, божественный кассир!

**

ПРОСТОЙ СПОСОБ

Изжить жилкризис, оказывается, очень просто.

Вот, например:

Заведующий Кулебакской школой занял для своей квартиры две классные комнаты, но зато ученикам, окончившим I ступень, нет места в школе II ст., — нехватает помещений.

Конечно, хоть заведующий Кулебакской школой проводит и классовую линию, но все-таки хорошо бы ее выпрямить.

Рис. А. Радакова

— Вставай, Женя! Зимняя спячка отменяется: выходит журнал

Издатель — «ОГОНЕК». Адрес редакции — Москва, Страстной бульвар, 11. Ответственный редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

Главлит № А25688. Москва, тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Заказ № 2499 Тираж 100.000.

СМЕХАЧ

Рис. Л. Бродаты

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

— Ну и дороги в Европе! Ни пройти, ни проехать!!!

МЕНЯЮ
СМЕХАЧ НА ЧУДАК